

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я43
Д20

Художественное оформление серии *Сергея Груздева*

Дарите любовь. — Москва : Эксмо, 2019. —
Д20 320 с. — (Миллион лайков).

ISBN 978-5-04-100517-7

Есть такие люди, которые от широты душевной готовы поделиться последним. Они, как теплый огонек, дарят окружающим свет и радость, хотя жизнь не балует их. Такова Диана, выпускница детского дома, которая помогает одинокой соседке-старушке. Или Марина, взявшая на себя заботу о семье, где не стало мамы. И дедушка-врач, спешащий к своим пациентам, даже будучи сам болен.

Рассказы, собранные в этом сборнике, — это непридуманные истории о победе добра, о простом житейском счастье, о нравственном выборе, который часто приходится делать каждому из нас, о внутренней силе человека, помогающей победить любые жизненные обстоятельства.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

© ООО «ПРОЧИТАТЕЛЬ»
© Шумак Н., 2019
© Чернецкая Т., 2019
© Дорофеев А., 2019
© Чернышова В., 2019
© Лисицкая Т., 2019
© Муратова С., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100517-7

Нашим Мамам с любовью посвящается.

Авторы сердечно благодарят Екатерину Неволину — руководителя группы российской сентиментальной прозы, под мудрым руководством которой проект встает на крыло, и редактора Виталину Смирнову.

Уверенная поддержка всегда вовремя.

Истории собраны и рассказаны:

Наталей Шумак, Татьяной Чернецкой, Андреем Дорофеевым, Александром Забариним, Венерой Чернышевой, Тamarой Лисицкой, Светланой Муратовой.

В некоторых историях имена, а также другие подробности изменены по просьбам героев.

Авторы говорят спасибо друзьям, родным и знакомым, которые поддерживали команду в этом путешествии.

ПОКРОВ

Дочь Алена, воинствующая атеистка, энергичная московская девчонка, дерзила маме и бабушке в постоянном режиме: утром — хамство, вечером — схи́дство.

Норовила рассказать про очередной скандал с Патриархом. Про суд над каким-нибудь совершившим преступление священником.

Бабушка вздыхала от таких новостей, иногда даже плакала. А мама Алены — Наташа — злилась и орала. Чем еще больше усугубляла конфликт. Между старым, взрослым и юным поколением семьи Кузнецовых ширилась пропасть. Еще несколько лет назад была едва заметная трещинка. А теперь — огромная, глубокая, не обойти, не перепрыгнуть — ну просто каньон.

Так и жили.

Не то чтобы Наташа была воцерковленной, сильно верующей прихожанкой, которая выстаивает службы несколько раз в неделю. Она забегала в Храм неподалеку от дома дважды или трижды в году. Торопливо ставила свечи, не задумываясь, у каких икон, и сматывалась.

Бабушку подводили дрожащие ноги. Но она пока справлялась, ходила каждую субботу, иногда еще и в воскресенье или на праздники. Сидела на скамеечке у входа, крестилась, кланялась, в ящик для пожертвований опускала смятые сотенные купюры. Изредка, на свой день рождения или Пасху, могла положить пять сотен. В целом — пенсия старушки была законной частью общего семейного бюджета. Она от нее отрезала себе не больше тысячи в месяц на карманные расходы.

И переживала, что внушка ее и Наташу не то что не уважает, а в грош ломаный не ставит.

Со временем бабушка изобрела собственный способ взаимодействия с занозистой Аленой — не трогать. Ни о чем не просить. Только здороваться по утрам. Это как-то понижало градус напряжения, по мнению старушки.

Анна Ивановна поздно родила дочь Наташу — когда ей было уже под сорок. Теперь, в свои почти восемьдесят, она бодрилась. Густо мазала морщинистые губы бесцветным блеском, убирала под косынку остатки волос. Косынок у нее было две — будничная и праздничная. Одна — белая, другая — белая с красной тонкой каймой.

Наташа носила, не снимая, старый золотой крестик на тонкой цепочке. Анна Ивановна обзавелась деревянным, из монастыря Матронушки, на простом черном гайтане. Родом она была из Тульской области и Святую старицу Матрону почитала своей личной

ДАРИТЕ ЛЮБОВЬ

заступницей. Могла пожаловаться иконе. Разговаривала, когда дочь и — упаси Боже — внучка не слышали.

Ближе к полудню четырнадцатого октября, после праздничной службы, Анна Ивановна не без труда, с отдыхом, взгромоздилась на свой четвертый этаж (дом без лифта — то-то старикам зарядка).

Умылась. Попила святой воды, которую взяла с собой в маленькой пластиковой бутылочке. И решила приготовить шарлотку. Дачи у Кузнецовых не было. Но соседка иногда делилась яблоками или овощами. А Наташа помогала их оболтусам с математикой. Это с дочерью она общий язык найти не могла, а с чужими детьми легко-запросто. Объяснить самое сложное — с юмором, что называется, на пальцах — умела.

Итак, Анна Ивановна взялась за тесто. Потом помыла и стала нарезать яблоки тонкими дольками. По кухне распространялся тонкий, кисло-сладкий аромат. Крупные желто-зеленые яблоки с пятнышками и червяками на вкус были невероятно хороши. Хотя, мысленно покапризничала Анна Ивановна, кислинка могла бы быть и полегче.

Упала икона Матронушки на полке. Бам! Не на пол — на стол. Анна Ивановна в такие моменты грешила на электрички. Платформа была от дома Кузнецовых в пяти минутах быстрой внучкиной ходьбы.

Но вроде бокалы и кружки не звенели, как изредка бывало, если особенно тяжело груженный состав проползал ночью.

Анна Ивановна вернула икону на полку и почувствовала внезапную тяжесть на сердце.

Села на табурет. Осмотрелась. Сначала подумала, что помирает. Что ее время пришло. Потом поняла, что нет, но груз становился все весомей. Начало ломить в висках.

— Алена!

Анна Ивановна осознала это, угадала.

— Алена! Аленушка...

Заплакала, проковыляла умыться. Трясущимися руками набрала номер своей подружки, уже десять лет как удалившейся от мира в монастырь в глубинке. Там она, бывшая фармацевт, трудилась травницей. Похудела почти на тридцать килограммов, передумала помирать и слыла если и не старицей, то особенной монахиней. Тонким ручейком к ней тянулся народ. За сборами лекарственными и советами, душевной поддержкой.

Анна Ивановна дозвонилась сразу же. С первой попытки. И, захлебываясь, стала говорить. Подружка, Верка, впрочем, уже давно Мария, сказала, что сама почитает и даже Елизавету попросит, про которую говорят, что особенной силы молитвенница она. И свечи поставит.

Анна Ивановна положила трубку. Она несколько минут тяжело, словно камни ворочая (язык не слушался), читала молитвы к Матронушке, к Богородице.

Сегодня утром, когда ставила свечи за внучку, дочь, нескольких родственников, за подружку, которой звонила, и записочку за их здоровье подала, никаких предчувствий не было.

ДАРИТЕ ЛЮБОВЬ

Аленка была крещеной. Кто ж их — младенцев — спрашивает? Отнесли, когда еще годика девочке не было. И хотя внучка активно, даже сердито уверяла, что не верит, это не мешало бабушке молиться о ней.

— Аленушка.

К часу дня старушке стало легче. Она выглянула в окно. Золотая, невероятной красоты осень царила во дворе. Разлапистые клены и дурные московские тополя шелестели листьями самых нарядных оттенков. Неделю не было дождя. И пестрый ковер на газоне, на дорожке шуршал, радовал глаз. Выглядел чистым, ярким.

Анна Ивановна смотрела во двор. Ей казалось, что сверху на пятиэтажки опускается прозрачный светящийся платок. Огромный, но вместе с тем невесомый и согревающий.

Анна Ивановна пошла и еще раз умылась, поправила свою праздничную косынку и взялась за шарлотку. Ничего, думала она. Ничего. Вернутся обе девочки домой, а у них угощение. Шарлотки и сладкая выпечка в целом ей всегда удавались.

Бабушка поняла, что почти мурлычет, настроение поднялось. Шарлотка стояла в духовке.

Из остатков теста, немного изменив его, добавив муки и корицы, Анна Ивановна решила слепить пару маленьких кексиков с изюмом.

В замке провернулся ключ. Для Наташи еще рано. Она ушла заниматься с соседским парнем, который в этом году школу заканчивает. И обещала, что провозится с ним до пятнадцати, не меньше. Так они

договорились. Что в выходной три, а то и четыре урока подряд. На неделе обоим некогда. В лучшем случае один час в середине недели выкраивают.

Дверь открылась. Кто-то тяжело, с сопением, ворчанием переступил порог. Анна Ивановна отряхнула руки от муки и пошла в прихожую.

Растрепанная Алена с синяками и ссадинами на лице стояла не одна. Рядом высился тощий, похожий на гвоздь, мужчина лет пятидесяти.

Анна Ивановна взялась обеими руками за голову. Но не заголосила, не зарыдала. Взглядом окинула внучку, потом незнакомца, потом снова внучку.

Алена откашлялась и хрипло проговорила:

— Баб, надо бы капюшон зашить, его порвали. Ты поможешь?

Анна Ивановна окончательно пришла в себя.

— Чей? Твой или нашего гостя?

— Его Сан Саныч зовут. Мы сегодня познакомились.

— Давайте я погляжу.

Анна Ивановна протянула руку к куртке гостя и добавила строго:

— А вы пока вымойте руки и идите на кухню.

Мужчина шумно вдохнул воздух.

— Вкусно пахнет. Печете?

— Да. И вы как раз вовремя.

Алена открыла Сан Санычу дверь в санузел (у Кузнецовых он был совмещенный и все равно довольно тесный), шагнула к старушке и обняла, всем телом

ДАРИТЕ ЛЮБОВЬ

прижалась. Пристроила пострадавшее лицо к виску Анны Ивановны, засопела.

— Что случилось? Я очень напугалась.

— Я тоже. Но... там оказался Сан Саныч, и... все хорошо.

— Где там?

— В Ромашкове. Я к Ленке ездила.

Ленкины родители жили на отшибе, у полей и леса.

В ванной шумно сопел мужчина. Лилась вода. Анна Ивановна постучала в дверь и каркающим голосом посоветовала взять любое полотенце. Белое, желтое или розовое. Все чистые. Она их утром только повесила.

— Угу.

Он вышел, занял собой, хоть вроде и тощий, весь их узкий коридор. А внучка, наоборот, улизнула в ванную.

Анна Ивановна пошла впереди гостя и вдруг спохватилась:

— Тапочки! Я не предложила вам тапочки. Но... боюсь, у нас нет подходящего размера.

Кузнецовы, может, и не были самыми красивыми женщинами в мире, но гордились маленькими ножками. Даже у рослой крепкой Аленки лапка хоть и была больше бабушкиной и маминой, но меньше, чем у всех ее подруг. Тридцать шесть с половиной.

А Наташа и сама Анна Ивановна, пока ноги не испортили возрастные шишки-узлы, обе носили тридцать пять с половиной. Почти тридцать шесть. Это при том, что роста обе среднего, не Дюймовочки.

Задрезбезжал телефон. Анна Ивановна показала гостю стул, сказала, мол, извините и ответила.

В трубке послышался сильный, совсем не старый голос Веры. Подруга говорила, что Анне несказанно повезло. Матушка Елизавета не только сама помолилась, но еще и монахинь позвала. Вместе впятером читали. И она думает, что все будет хорошо.

Тут подругу отвлекли — травница работала с утра до ночи как пчелка, буквально минуты свободной не имела. Она попрощалась, сказала — с Богом — и отключилась.

Анна Ивановна увидела, что Сан Саныч смотрит на нее настороженно, с недоумением.

— Молились, значит. За вас и за внучку?

Бабушка честно кивнула.

— Да. Такой страх накатил, такая жуть. Ну я и сама, и Веру, вернее Машу, попросила.

— Угу. Понял.

— А что случилось-то? Я же вижу, но...

В кухню ворвалась Алена. Уселась на другом конце стола, с ногами, как любила. Она переплела короткую растрепанную косу. Обработала ссадины йодом и теперь напоминала какого-нибудь вояку из боевика, который лицо красит перед битвой.

— Я сама расскажу.

Поссорилась с Ленкой, пошла назад на электричку одна. И не через поселок. Решила срезать. Торопыга.

Ясный день. Светло. За поворотом, когда она уже углубилась в лес, встретились двое. Напали сразу, без

ДАРИТЕ ЛЮБОВЬ

лишних слов. Но она каким-то чудом вырвалась. Минус шапка и сумка. Даже не помнит, как и когда их уронила или отняли. Припустила бегом. Через елки, кусты. Показала на свое расцарапанное лицо. Выскочила на параллельную тропу.

А они следом...

Анна Ивановна понимала, что все закончилось хорошо. Вот же внучка рядом, на кухне. И не рыдает. Но сердце колотилось как бешеное.

Алена бежала и понимала, что не успеет. Впереди открытое поле. Догонят точно.

Показалось еще, что словно дымка какая-то.

— Прикинь, Ба, за мной эти козлы топают, несутся. Совсем близко. А я вижу, красотища. И свет особенный. Будто отфотошопили.

Сан Саныч же всегда ходил на электричку привычным маршрутом. В этот раз тоже. Но вдруг остановился. Не понял, почему. Захотелось свернуть, сделать крюк. Благо время позволяло.

Он прошел метров двадцать назад и вывернул к полю, по которому улепетывала Алена. Как зайчик, подумал он. Как зайчик, которого гонят волки.

— Баб, у них был нож.

— И?

Сан Саныч полез в карман, достал, положил на стол.

— Отнял. Ну и накостылял им, само собой. Сбежали. Мне ж за ними не гнаться. Решил внучку вашу до платформы проводить. А она вцепилась, как клещ. Что ей страшно. Вот и... даже к вам, домой.